

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ СОМНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Работа представлена кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. В. Химик

Статья посвящена проблеме выражения семантики сомнения в современном русском языке. Основное внимание уделяется языковым средствам выражения семантики сомнения, приводятся типовые категориальные ситуации сомнения.

Ключевые слова: *семантика сомнения, инвариантная категориальная ситуация сомнения, варианты категориальные ситуации сомнения.*

I. Nikol'skaya

REALISATION OF THE DOUBT SEMANTICS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the realisation of the doubt semantics in the modern Russian language. The main attention is paid to the linguistic means of expressing the doubt semantics. The article also presents the standard categorial situations of doubt.

Key words: *doubt semantics, invariant categorial situation of doubt, variant categorial situations of doubt.*

Сомнение – это специфическое переживание человека, возникающее в процессе его мыслительной деятельности. Сомнение является неизменным спутником психологических переживаний языковой личности и традиционным объектом творческих интерпретаций в художественных текстах.

Изучаемый фрагмент языковой картины мира отличается многоплановостью: он относится как к интеллектуальной сфере субъекта, так и к его эмоциональной сфере. Литературоведы отмечают, что в прозе конца XX – начала XXI в. «колеблющееся» существование слова ретранслирует «колеблющееся» состояние человека. Мир сегодняшнего человека характеризуют размытость, полутона, отсутствие опоры. С характером современного сознания связано повышение значимости функции модальности, что регулярно реализуется в современном гипертексте: активным введением специальных модальных частиц для выражения *неуверенности* (*вроде, как бы, будто, вероятно, кажется*), *предположения* (*разве что, наверное, пожалуй, ско-*

рей всего), *недостовренности* (*якобы, как бы, по слухам, говорят*); особым нагнетанием интонационных средств, акцентирующих *сомнение* и *недоверие* [7, с. 93–95].

В социально-философском знании рассматривается два вида сомнения: **конструктивное** – сомнение, которое дает толчок для новых открытий в науке, для дальнейшего интеллектуального совершенствования человека; **деструктивное** – сомнение, которое способно тормозить интеллектуальное развитие личности, способствовать ее разрушению. Сомнение является обязательным моментом самостоятельной, осмысленной позиции в области мировоззрения.

В психологии сомнение, наряду с *уверенностью, догадкой, интересом, удивлением, изумлением, недоумением*, рассматривается либо в ряду интеллектуальных эмоций – специфических переживаний, возникающих в процессе мыслительной деятельности человека, либо как психическое состояние, в котором выделяют рациональный, эмоциональный и волевой компоненты.

Анализ научной литературы показал, что в лингвистике категория сомнения традиционно изучается в рамках субъективной модальности: как микрополе в функционально-семантическом поле достоверности [5; 10] или как модусная категория [3; 6; 11]. Попытка изучения категории сомнения как лингвокультурного концепта была предпринята на материале английского языка [12]. Однако эмоциональная составляющая семантики сомнения остается, как правило, за рамками лингвистических изысканий, несмотря на то что она регулярно вербализуется в речи.

Для изучения семантики сомнения был использован функционально-семантический подход, так как «коэффициент полезного действия» понятий «семантическая категория», «функционально-семантическое поле», «категориальная ситуация» тем выше, чем сложнее структура анализируемого содержания и выражения [4, с. 334]. Изучение вопроса о месте семантики сомнения в функционально-семантических полях русского языка, анализ взаимосвязей категорий эмотивности, оценочности и достоверности, а также модусных категорий, показали, что семантика сомнения имеет сложную структуру. Категория сомнения – это семантическая категория, которая функционирует на пересечении трех основных семантических зон – достоверности, оценочности и эмотивности, и вступает в межкатегориальные связи со многими другими семантическими категориями.

Под **инвариантной категориальной ситуацией сомнения** предлагаем понимать такое положение дел, при котором говорящий: обладает или не обладает достаточным знанием о некоторых имеющих/имевших место реальных или предполагаемых событиях, явлениях, фактах действительности; стоит перед альтернативным выбором – «не знает Р или не Р»; занимает вероятностную и притом негативную когнитивную позицию относительно истинности некоторого суждения Р – «более вероятно не Р»; отдает или не отдает себе отчет в том, следствием чего становится сомнение в истинности пропозиции.

Для создания ситуации (положения дел) сомнения необходимо наличие следующих

составляющих: субъект (тот, кто испытывает сомнение); объект (то, что подвергается сомнению); проявление первым модальной оценки (рациональной или эмоциональной) ко второму; причина, вызывающая (стимулирующая) оценочное отношение субъекта к объекту.

Семантическая категория сомнения осложняется пересечениями с другими семантическими категориями, создавая **вариантные категориальные ситуации**. Представляется возможным выделить следующие типовые варианты категориальные ситуации сомнения:

1) сомнение-предположение/возможность: *<...> она подружилась с молодыми актерами-американцами, и они пригласили ее в свою труппу, и теперь она, наверно, поедет в Штаты, в Чикаго* (А. Масс. Ниша. Московская повесть);

2) сомнение-предположение/вероятность: *Вадька готовил аппаратуру: – О, а это для тебя! Я и не заметила ее сразу, а она была розовая, пышно раскрывшаяся, с капельками на листьях. – Для меня? – Поклонники, наверно, – улыбнулся Вадька, осторожно вынул розу, вручил ее мне и принялся за работу* (М. Барыкова, М. Алисов. Единственное число любви);

3) сомнение-кажимость: *Некоторое время спустя дома стали пониже и пореже, во мраке вроде бы поплыли очертания деревьев, а еще минут через пятнадцать потянулись окруженные садами особняки* (Б. Акунин. Азазель).

4) сомнение-эвиденциальность: *А Зурову человека убить, что муху раздавить. Он каждое утро по часу из пистолета упражняется. Говорят, с двадцати шагов пулю в пятак кладет* (Б. Акунин. Азазель);

5) сомнение-приблизительность (неточность) качества или количества: *Она могла держаться на ней долго, на ноте, так что даже куры прятались кто куда, не то имеющие соображение собаки, которые учуивали ноту «ля» («си»?) за момент до ее возникновения* (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом);

6) сомнение-эмоциональное состояние: *Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума, все, что мешает человеку развивать разум, – зло, и это зло надлежит устранять в кратчайшие сроки и любым путем. Любым? Любым ли?... Нет, наверное, не любым. Или любым? Слюнтяй! – подумал он про себя. – Надо решаться. Рано или поздно все равно придется решаться* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Трудно быть богом);

7) сомнение-оценка: *Возле Леночкиного дома Медея столкнулась с белобрысым мальчиком лет десяти. Он только что впустил воду во двор и умыл веснушчатое лицо бурой, слегка подозрительной на вид водой* (Л. В. Улицкая. Медея и ее дети).

Можно выделить следующие способы репрезентации семантики сомнения в речи: **описание, выражение, отражение** [9]. Варианты **описания** эмотивно-эпистемического состояния сомнения в художественных текстах разнообразны, например:

1) эмоция сомнения, испытываемая персонажем, может быть объектом наблюдения со стороны автора или другого персонажа: *Фандорин заколебался, браня себя за нерешительность и промедление, но выяснилось, что медлил он правильно – дверь отворилась и в комнату вошли двое, женщина и мужчина* (Б. Акунин. Азазель);

2) эмоция сомнения – объект самонаблюдения персонажа и последующей автоинтерпретации: *<...> дьявольское сомнение каждый раз сверлит мой мозг, не отпускает, покрывает испариной страха и стыда* (И. Ефимов. Новгородский толмач);

3) обобщенное жизненное наблюдение автора или персонажа: *Тема эмиграции в интеллигентской среде тех лет была одной из самых острых: быть или не быть, ехать или не ехать, да, но если... нет, а вдруг...* (Л. В. Улицкая. Медея и ее дети).

При **выражении** эмоции сомнения может доминировать:

1) рациональная оценка, например: *Лампа под розовым абажуром освещала изящное бюро с какими-то бумагами, в углу, кажется, белела постель. Не поймешь –*

то ли кабинет, то ли спальня (Б. Акунин. Азазель);

2) эмоциональная оценка, например: *Аня погибла в начале лета, и Марина понимала, что до начала учебного года она не увидит Марию Яковлевну. Позвонить или нет? Что говорят в таких случаях? А вдруг от таких звонков ей будет еще тяжелее? Не позволю...* (Т. Н. Толстая, Н. Н. Толстая. Двое: разное).

Отражение эмоции сомнения, как правило, происходит в состоянии эмоциональной напряженности, например: *О чем же они говорили? Как бы это узнать? Может... да нет, это ерунда... и все-таки... хотя, конечно... А вдруг «приключение» еще состоится?* (Т. В. Устинова. Мой генерал).

Проанализировав и обобщив языковые средства репрезентации семантики сомнения, мы пришли к следующим выводам:

1. Интеллектуальная эмоция сомнения, проявляясь в процессе мыслительной деятельности человека, обладает собственным набором вербальных репрезентантов. Средства репрезентации семантики сомнения имеют системный характер, полевою структуру и характеризуются разноуровневым представлением: лексическим, лексикограмматическим, синтаксическим, текстовым, интонационным.

2. Для репрезентации исследуемой семантики современный русский язык располагает обширным корпусом **специализированных маркеров**. Все специализированные маркеры являются ядерными средствами репрезентации семантики сомнения, служат для передачи инвариантного значения сомнения, т. е. являются однозначными. Любая конструкция становится маркированной в плане семантики сомнения при введении этих маркеров, например: *Я вряд ли смогу убедить незнакомого мужчину в том, что мне можно верить* (А. Маринина. Шестерки умирают первыми);

Я, конечно, очень надеялся, что там, за чертой, меня ждет более счастливая жизнь, но все же в существовании загробного мира сильно сомневался (Д. Донцова. Али-Баба и сорок разбойников).

Маркеры такого рода являются чисто лексическими средствами выражения, так как они работают на передачу сигнализируемой семантики независимо от синтаксических конструкций, в которых они употребляются [1].

3. **Косвенные маркеры** являются периферийными средствами репрезентации семантики сомнения, служат для передачи вариантов значений сомнения, т. е. являются неоднозначными и уточняются в контексте.

4. Для репрезентации семантики сомнения широко используются маркированные слова практически всех частей речи. Наиболее часто используются маркеры-частицы, маркеры-номинанты эмоции сомнения и маркированные глаголы с семантикой сомнения, предикативные наречия используются редко. Существительные обычно употребляются в качестве номинантов эмотивно-эпистемического состояния сомнения: *Я взял Таню за руку и говорю: – Пошли отсюда! (Лучший способ побороть врожденную **неуверенность** – это держаться как можно увереннее.)* (С. Довлатов. Заповедник).

Анализ номинантов эмоции сомнения показал, что наблюдается феномен **семантической диффузности**: обозначения эмоции сомнения тесно связаны с существительными эмоцией *страха, стыда и удивления* [2].

Прилагательные и наречия чаще не выражают состояния, а описывают его, указывают на его возможное наличие в описываемой ситуации, например: *Но так уж относился Иван Исаевич к своей жене, что и в этом сомнительном для ее биографии месте он усмотрел достоинство – другая женщина в таком положении сделала бы какую гадость, а Сандручка родила дите и растила, во всем себе отказывая...* (Л. В. Улицкая. Медя и ее дети).

В качестве важной особенности языковых средств репрезентации эмоции сомнения необходимо отметить их **синсемантизм**, т. е. использование в высказывании или тексте целого комплекса средств для адекватной передачи эмоции.

5. Сомнение репрезентируется в русской речи как эмотивно-эпистемическое состояние. В русской языковой картине мира закреплена дискомфортность этого состояния [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Л. Е., Никольская И. Г. Лексические средства выражения дискомфортных эмоциональных состояний (на примере стыда и сомнения) // XXXIII Международная филологическая конференция: сборник. Вып. 16: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2–20 марта 2004 г., Санкт-Петербург / отв. ред. Н. А. Любимова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 80–87.
2. Антонова Л. Е., Никольская И. Г. Языковое воплощение дискомфортных эмоций (на примере стыда и сомнения) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2007. № 17 (43). С. 21–27.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и производные от него значения // Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 403–538.
4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
5. Гоголина Т. В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке: учебное пособие/ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. 124 с.
6. Кобринина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.
7. Маркова Т. Н. Стилиевые тенденции в прозе XX века: специфика речевых форм // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2003. № 27. С. 85–97.

8. *Никольская И. Г.* Интеллектуальная эмоция сомнения в русской языковой картине мира // XXXIV Международная филологическая конференция: сборник. Вып. 17: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 87–89.

9. *Никольская И. Г.* Описание, выражение и отражение эмоции сомнения в русском языке // XXXVI международная филологическая конференция: сборник. Вып. 19: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 13–18 марта 2007 г., Санкт-Петербург / отв. ред. Н. А. Любимова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 173–178.

10. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Изд-во «Наука», 1990. – 348 с.

11. *Шмелева Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности // Субъективная модальность: сб. науч. тр. / Тюменский гос. ун-т / под ред. Л. С. Макаровой. Тюмень, 1990. С. 78–100.

12. *Юровицкая Л. Н.* Английский лингвокультурный концепт «сомнение» и способы его языковой манифестации: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 171 с.

REFERENCES

1. *Antonova L. E., Nikol'skaya I. G.* Leksicheskiye sredstva vyrazheniya diskomfortnykh emotsional'nykh sostoyaniy (na primere styda i somneniya) // XXXIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya: sbornik. Vyp. 16: Russkiy yazyk kak inostranny i metodika yego prepodavaniya. 2–20 marta 2004 g., Sankt-Peterburg / отв. ред. N. A. Lyubimova. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2004. S. 80–87.

2. *Antonova L. E., Nikol'skaya I. G.* Yazykovoye voploshcheniye diskomfortnykh emotsiy (na primere styda i somneniya) // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. SPb., 2007. N 17 (43). S. 21–27.

3. *Arutyunova N. D.* Predlozheniye i proizvodnye ot nego znacheniya // Yazyk i mir cheloveka. M.: «Yazyki russkoy kul'tury», 1999. S. 403–538.

4. *Bondarko A. V.* Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka / Rossiyskaya Akademiya nauk. Institut lingvisticheskikh issledovaniy. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 736 s.

5. *Gogolina T. V.* Funktsional'no-semanticheskoye pole somnitel'nosti v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobiye / Ural. gos. ped. un-t. Yekaterinburg, 2005. 124 s.

6. *Kobrina O. A.* Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub'yektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2006. N 2. S. 90–100.

7. *Markova T. N.* Stilevye tendentsii v proze XX veka: spetsifika rechevykh form // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Yekaterinburg, 2003. N 27. S. 85–97.

8. *Nicol'skaya I. G.* Intellektual'naya emotsiya somneniya v russkoy yazykovoy kartine mira // XXXIV Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya: sbornik. Vyp. 17: Russkiy yazyk kak inostranny i metodika yego prepodavaniya. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005. S. 87–89.

9. *Nicol'skaya I. G.* Opisaniye, vyrazheniye i otrazheniye emotsii somneniya v russkom yazyke // XXXVI mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya: sbornik. Vyp. 19: Russkiy yazyk kak inostranny i metodika yego prepodavaniya. 13–18 marta 2007 g., Sankt-Peterburg / отв. ред. N. A. Lyubimova. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2007. S. 173–178.

10. Теория функциональной грамматики. Temporal'nost'. Modal'nost' / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Изд-во «Наука», 1990. – 348 с.

11. *Shmeleva T. V.* Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti // Sub'yektivnaya modal'nost': sb. науч. тр. / Tyumenskiy gos. un-t / pod red. L. S. Makarovoy. Tyumen', 1990. S. 78–100.

12. *Yurovitskaya L. N.* Angliyskiy lingvokul'turny kontsept «somneniye» i sposoby yego yazykovoy manifestatsii: dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2005. 171 s.